

мой зов. Наверное, самая великая любовь, которая когда-либо была на свете — эти вот Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна.

— После «Ромео и Джульетты»?

— Нет, не после. Для меня как раз «вместо»... Да, когда-то я мечтала о Джульетте, но моя Джульетта, видно, гоголевская помещица.

— Как-то обидно, а ведь в ваших героинях столько епиходовского.

— И Дон Кихот, и Епиходов — мужские роли. И еще много-много замечательных персонажей в мировой драматургии — все для мужчин...

— Донкихотствующую Малаеву в «Гараже» вы из себя, наверное, черпали?

— Это Эльдар Рязанов для меня придумал роль, за что огромное ему спасибо. И вообще спасибо за роли, которые он дописывал для меня. И так кропотливо, въедливо добивался правды характера.

— А было время потом, когда вы не получали желанных ролей?

— Да у меня это время всегда! Я еще почему антрепризой занимаюсь — в какой-то мере, конечно, чтобы быть материально независимым человеком. Но еще и потому, что я столько не сыграла и уже кончается возможность сыграть. Меня тянет «на сторону», у меня любимые режиссеры — хочется и с Андреем Могучим попробовать, и с Витей Кра-

мором уже почти начали работать, но... сорвалось. Вообще столько талантов появилось на театре и в кино. Только очень мало ролей — женских, во-первых, и возрастных, во-вторых.

— Но у вас есть продюсер: он вам помогает?

— У меня потрясающий продюсер, который работает только со мной. Ефим Спектор, удачливый, талантливый. Мы все время ищем материал и если находим — тут же ставим. В каждом городе современные авторы мне приносят пьесы. Но мало дельных вещей, много паршивой литературщины. Просто лишь бы что сыграть — ни за что!

— Все ругают антрепризу, а вам она столько же дает возможностей реализоваться, как стационарный театр?

— Ну что вы, это мое спасение, и что же ее ругать? Баланчин — антреприза, Комиссаржевская — антреприза. Анна Павлова тоже в антрепризу ушла: не давали в Мариинке станцевать в «Лебедином»... И потом я полстраны объездила. Сыграть на Урале и в Сибири, в Барнауле, Благовещенске. А в Америке, Германии и Австралии — в последнее время даже в хороших залах и театрах, не как раньше. И зритель, главный, везде очень благодарный, потрясающий.

— Но «Подсолнухи» Теннесси Уильямса с вами и Виктором Гвоздицким не пошли?

— Очень элитарный проект был, сыграли пятьдесят раз: могли бы продолжать и дальше, но только в маленьких залах на 200-300 человек и для настоящих театралов. Это же история двух актеров, несчастных, полусумасшедших — история последних гастролей провального театра, трагической пьесы-жизни. Зрители уходили, ничего не понимая, ругались вслух. Ужас, защитить себя невозможно. Но и с «Квартиры Колумбины» в Питере у нас ползала ушло, хлопая дверями, хотя это был блестящий спектакль «Современника». Мне тогда про Петрушевскую говорили: «Как вам не стыдно играть такую гадость?». А потом пришло время — начали «догонять»: пошли аншлаги, браво, бис, — и спектакль полюбили.

— Ваш папа-режиссер поощрял ваше участие в «Колумбине»?

— Не знаю, мы никогда с ним не обсуждали мои спектакли. Но в тот период я в поддержке и не нуждалась, настолько была уверена в Петрушевской и Виктюке и так благодарна за возможность работать в этом чудном материале, что критику не замечала.

— Как теперь складываются ваши отношения с Виктюком?

— Тогда на репетициях он был так феерически талантлив, и я прощала, когда он обижал меня. До какого-то момента обиды были несмертельны,

«Трудные люди».